

7

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АРГУМЕНТ В ДОКАЗАТЕЛЬСТВО СУЩЕСТВОВАНИЯ БОГА

Агнос, я готов включить другой прожектор, который, как я считаю, даёт ещё больше света, чем прожекторы Космологического и Телеологического аргументов. Мы иногда называем его Антропологическим аргументом, т. е. аргументом, основанным на человеке. Наш тезис состоит в том, что материализм полностью не объясняет человека, как он также полностью не объясняет зависимости и замысла во Вселенной. Прежде всего, главу нужно начать с обсуждения вопроса о природе человека.

Главный вопрос в отношении к Богу заключается в том, существует Он или нет? А вопрос о человеке сводится к его составу: составлен ли он только из материального, естественного и физического? Или, составлен ли он из чего-то другого, превосходящего все его естественные категории? В чём именно он отличается от низших животных, на которых он, по многим анатомическим чертам, похож? В 1967 году Мортимер Адлер предложил миру, по всей вероятности, самое эрудированное обсуждение этого вопроса в произведении «Особенности человека и разница, которую они собой представляют». Адлер упоминает семь особенностей человека, отличающих его от животных:

- 1) Только человек пользуется языком, которым он общается с другими; только человек пользуется словесными символами; только человек составляет и говорит предложениями, т. е. единственным дискурсивным животным является человек.
- 2) Только человек делает инструменты, разводит огонь, ставит себе укрытие, производит одежду, т. е. единственным животным с технологическими способностями является человек.
- 3) Только человек устанавливает законы или свои личные правила поведения и этим создаёт общественную жизнь, общаясь с другими людьми разными средствами, т. е. человек является не только общительным, но и политическим животным.
- 4) Через все поколения только человек развил кумулятивную культурную традицию, передача которой составляет историю человечества, т. е. единственным историческим животным является человек.
- 5) Только человек участвует в таинственных и обрядных

действиях, т. е. единственным религиозным животным является человек.

6) Только человек обладает моральной совестью, различием правильного и неправильного, т. е. единственным этическим животным является человек.

7) Только человек украшает себя и свои изделия и рисует картины или делает статуи только с целью наслаждения, т. е. единственным эстетическим животным является человек.¹

Я буду пользоваться этими чертами человека в развитии аргумента в пользу теистической интерпретации человека. Когда читаешь этот список, то возникает следующий первый вопрос: какое значение имеют эти особенности человека? Можем ли мы, ссылаясь на них, прийти к каким-то метафизическим выводам? Я убеждён, что можем. В этой главе я предложу образец интерпретации человека. Я буду утверждать, что мой образец соответствует уникальным чертам человеческой природы и что материализм является более слабым образцом. Первая особенность, которую я буду обсуждать, — как я считаю, — имеет самое сильное значение, — а именно, это моральная природа человека.

А. МОРАЛЬНЫЙ АРГУМЕНТ В ДОКАЗАТЕЛЬСТВО СУЩЕСТВОВАНИЯ БОГА

Моральный аргумент подобен аргументу Замысла. Когда мы обсуждали этот аргумент, то заметили, что наука действительна, когда предполагается, что существует связь между логическим мышлением и логическим составом Вселенной. Полностью абсурдная вещь не подвергается логической интерпретации. Подобно тому, аргумент Морали постулирует связь между моральными чувствами человека и составом Вселенной. Без этой связи успешная моральная жизнь была бы трудной; этический человек живёт в этическом мире.

Как же мне это доказать? Можно начать доказательство с того, что человек «обладает моральными чувствами», которые настолько реальны, насколько реален его контакт с предметами материального мира. Почему Вы, Агнос, предполагаете, что книга, которую Вы сейчас держите в руках, подлинна? Потому, что Вы её видите и действительно ощущаете Вашими пальцами. Дело в том, что я ежедневно чувствую «давление» моральной обязанности. Как я нахожусь в логично составленном мире, обусловленном предметами, которые существуют за пределами моей личности и которым я в положении отозваться лишь каким-то пассивным образом, то я также нахожусь и в моральном мире, обусловленном чем-то объективным, существующим за пределами моей личности и кажущимся мне чем-то более важным, чем мои личные мнения и наклонности. Это чувство моральной обязанности настолько реально, насколько реален камень, о который я спотыкаюсь, и оно может «остановить меня в пути» с такой эффективностью, с какой и камень может это сделать. Быть «остановленным чувством обязанности» — это общая особенность морального опыта.

Вы вначале, быть может, не согласитесь с утверждением, что моральное переживание настолько реально, насколько реально чувственное пережива-

1. Mortimer Adler, *The Difference of Man and the Difference it Makes*, (New York: Holt, Rineholt, and Winston, 1967), стр. 91. Большинство социологов и антропологов соглашается с этим списком кроме, быть может, пунктов № 2 и 7. Приматологи, т. е. люди, изучающие приматов, утверждают, что у некоторых приматов они замечают начальные технологические и эстетические способности.

ние. Вы спрашиваете: что вызывает это давление? Мы вскоре ответим на этот вопрос, но тут же важно отметить, что существует определённое давление на человека исполнять свои обязанности, вести себя нормативно, прилично. Если Вы отрицаете это давление, то мы сказали бы, что Вы являетесь моральным кретином, что у Вас недостаёт моральных качеств. Это подобно тому, как сказать, что Вы отрицаете физический мир. Мы сказали бы, что вы не владеете способностью постигнуть его. Если Вы пожелали бы, то могли бы стать солипсистом. Другими словами, аргумент в пользу материального и морального миров кругообразен, т. е. он основан на определённой способности постижения: в одном случае дело касается постижения эмпирического предмета, в другом — постижения морального права.

Вы видите ещё другое доказательство морального переживания, — именно, в положительных и отрицательных чувствах, которые Вы ощущаете, когда исполняете или нарушаете моральный кодекс. Если Вы делаете кому-то добро, т. е. поступаете по примеру доброго самарянина (чем-то жертвуете, нуждающемуся помогаете или кого-то прощаете за безжалостную обиду), то Вы после этого ощущаете великую радость, — то, что религиозные люди называют блаженством. С другой стороны, если Вы делаете то, что нарушает моральный кодекс, — например, говорите неправду, обманываете, крадёте, кого-то обижаете, — то Вы ощущаете вину, угрызения совести и стыд. Такие положительные и отрицательные чувства, видимо, испытывают почти все люди. Мировая литература свидетельствует об универсальности моральных переживаний. В этом-то суть большей части выдающейся литературы.

Моралисты считают, что законы, относящиеся к области морали, проявляют такую же силу над нами, какую проявляют законы, относящиеся к естественному миру. Если кто-то оказывается столь неразумным, чтобы верить, что закон тяготения зависит от его субъективной интерпретации, и если он думает, что он свободен игнорировать его, то вскоре он убедится на личном горьком опыте, что он не может идти против структуры физического мира и не заплатить за это дорогой ценой. Так же и в моральной сфере правила не подлежат субъективной интерпретации. Если нарушаешь правила морали, руководящие личными отношениями между свободными людьми, то в конце концов сильно пострадатеёшь за это.

Самое странное относительно моральных переживаний — это то, что обязанность безусловно чего-то требует от нас, когда мы принимаем моральные решения. Моральный выбор — это наше личное решение, не какое-то индуктивное или дедуктивное заключение. Если я рассуждаю, что $2x=10$, то $x=5$. Это дедукция. Но если я замечаю, что «я должен помочь соседу», то это уже не дедукция. Я не делаю вывод на основании каких-то предпосылок, что мой сосед безусловно требует помощи от меня, а просто «вижу» или «понимаю», что это так. Морального канона я не могу создать; я просто признаю его. Когда поэты пишут оды об обязанности и гимны о любви, то они имеют в виду этот элемент безусловной помощи или поддержки. Когда моральный человек приходит к выводу, что он должен исполнить свою обязанность, то говорит: «Несмотря на последствия, я должен это сделать».

Если моральные переживания реальны и объективны, то мы должны спросить: откуда приходит это давление? Откуда приходит это чувство обязанности? Само чувство обязанности приводит нас к утверждению, что есть законы, нормы, каноны, которых в поведении мы должны придерживаться. Как же существует моральный кодекс? Где он находится? Если не считать моральные переживания иллюзией, то надо определить то, что вызывает их.

Может ли моральный кодекс существовать в каком-то материальном

предмете? Нет, потому что моральный кодекс — это нормы поведения, принятые мыслящими людьми. Как же камень или дерево могло бы проявить моральное «давление» на меня? К тому же, если моральный кодекс находится в материальных предметах, то не было бы никакого преступления ввиду того, что материальные предметы *не решают* идти против своей природы. Казалось бы, гораздо разумнее утверждать, что моральные законы могут существовать только в свободных разумах или людях и только для них. Однако, у нас ещё остаётся та трудность, что имеются разумы трёх типов: индивидуума, целой группы и Бога.

1) Моральный кодекс не может существовать в разуме индивидуума, потому что это совсем не объясняло бы наших моральных переживаний. Когда ощущаешь давление обязанности, то это заставляет тебя поступать правильно даже тогда, когда это идёт против твоих личных наклонностей. Мы часто совершаем то, что приносит нам стыд и угрызения совести, но в то же время, мы делали это по личному желанию и решению. Это не согласуется с понятием *индивидуального субъективизма*, согласно которому моя личная прихоть определяет нормы морали. Если бы индивидуум определял моральный кодекс, то невозможно было бы объяснить стыд или угрызения совести.

2) *Общественный субъективизм* тоже не объясняет, где именно находится моральный кодекс. Я знаю, что нормы морали не могут существовать в группе людей, если эта группа, — будь это народ, раса, или племя, — часто грешит, как и индивидуум. Большое количество людей не гарантирует их морального поведения. В истории некоторые из величайших моралистов заплатили своей жизнью, свидетельствуя о моральном идеале, на который группа не обращала внимания или просто отрицала. Если мораль определяет группа людей, то вы не имеете никакого права осуждать расистскую политику нацистов Германии или рабовладение, которое практиковалось в южных штатах Америки до Американской Гражданской войны.

3) Если мораль не существует ни в разуме индивидуума, ни в группе людей, то какой разум остаётся? Очевидно, только разум Бога. Но прежде чем прийти к такому выводу, мы слышим возражение с одной стороны: почему не остановиться на безличном моральном порядке вещей? Почему нужно требовать дальнейшего объяснения и приходиться к выводу, что существование личного морального Бога фактически объясняет вопрос этики? Разве оккамский ножик позволил бы нам пойти дальше в объяснении?

Солидный вопрос! Это возражение я понимаю, потому что оно приходит к нам от того, кто, по крайней мере, признаёт, что мораль — объективное явление. Однако, я не могу согласиться с утверждением, что мы можем полностью объяснить мораль без всякой ссылки на Бога; в таком случае мы были бы виноваты в редукционизме. Утверждать, что мы должны искать источник морали за пределами человека и общества и в этом исключить Бога, — это нашей проблемы не разрешает. Мы пока ещё не ответили на вопрос: *где находится моральный кодекс?* Если Вы говорите, что есть «вечная моральная сфера» или «духовный принцип» или «сфера ценностей», то мне непонятно, где находится центр морали. Разве эта сфера умственна или духовна? Если так, то является ли она разумом или духом? В чём она отличается от моего разума или разума Бога? Утверждать, что существует безличный разум или дух — это для меня противоречие терминов.

Если Вы мне утверждаете, что та реальность, которая заставляет меня исполнять мою обязанность, *безлична*, то я только могу ответить, что это совсем не объясняет ту обязанность, которую я лично ощущаю. Как же безличная реальность может заставить меня ощущать ответственность быть добрым, помогать другим, говорить правду и любить других? Мне непонятно, как *какая-то вещь* может оказать на меня, — личность, человека, — моральное или духовное влияние. Как раз по этой причине пантеизм отвратителен многим морально чувствительным людям. По словам Эмиля Бруннера: «Бог, Который нейтрален, ничего не требует от нас».

Агнос, это значит, что единственным логическим источником морального закона является личность, сверхъестественный Разум, Бог. Мы увидели, что источником морали должен быть разум, и мы также увидели, что источником морали должен быть разум, который является большим индивидуума, или группы людей. Если Бог определяет моральный кодекс, то мои моральные чувства становятся вполне понятным явлением; а если не так, то мои моральные чувства остаются совсем непонятным явлением. Надёжная теория должна выяснить обсуждаемый вопрос, не затушевать его.

Конечно, есть возражения против аргумента Морали, и мы можем выяснить его, отвечая на некоторые из них.

1. Большинство из тех, кто отрицает наше рассуждение, говорят так: «Мораль является относительным понятием, зависящим от места и времени, поэтому вряд ли мы можем считать, что есть один общий моральный кодекс для всех людей».

Во-первых, я не утверждаю, что все моральные кодексы в мире соглашаются между собой, хотя я убеждён, что между ними имеется больше согласия, чем нам кажется. Я утверждаю, что все люди имеют основное понятие нормального поведения. У них с момента рождения заложен принцип, что есть те вещи, которые *нужно делать*. В самом основном выражении этот принцип гласит так: «Делай то, что считаешь правильным; избегай того, что запрещается». Даже это самое элементарное понятие морали показывает, что человек не является только животным, что он превосходит инстинктивное поведение. Найдётся ли другое животное, обладающее способностью решать и вести себя по какому-то объективному кодексу поведения? Г. К. Честертон прекрасно выделяет эту сторону обсуждаемого вопроса:

«Мы говорим о диких животных, однако, единственным диким животным является человек. Человек вырвался из-под контроля. Все остальные животные приручены грубым приличием своего племени или типа. Все другие животные домашние; только человек остаётся неукротённым независимо от того; является ли он развратником или монахом... Как раз там же, где кончается биология, начинается религия».²

Во-вторых, я отрицаю, что, мораль имеет относительное значение. На первый взгляд, этические кодексы, казалось бы, сильно отличаются друг от друга, но когда ближе знакомимся с ними, то замечаешь больше согласия, чем видят и признают социологи и антропологи. К. С. Льюис пишет:

«Если бы кто-то позаботился о том, чтобы сопоставить моральные учения, скажем, древних египтян, вавилонян, индусов, китайцев, греков и римлян, то его бы сильно поразило большое сходство нашего учения с их учениями... Люди

2. G. K. Chesterton, *Orthodoxy*, стр. 144.

расходились по вопросу о том, к кому человек должен относиться бескорыстно, — либо к собственной семье, либо к соотечественникам, либо ко всем людям, — но они постоянно утверждали, что нельзя себя ставить на первое место. Эгоизма никто не уважает».³

Историк Уил Дурант с этим соглашается:

«Тот, кто мало знает историю, выделяет различия между моральными кодексами и приходит к выводу, что они неважны, потому что относятся к различным временам и местам, и они в некоторых случаях противоречат друг другу. Тот, кто лучше знает историю, подчёркивает универсальность моральных кодексов и приходит к выводу, что они необходимы. Моральные кодексы отличаются друг от друга потому, что они реагируют на исторические и окружающие их условия».⁴

Довольно странно звучит заявление: «все выражения морали друг от друга отличаются». Если два выражения морали сильно отличаются друг от друга, то зачем тогда называть их моралью? Это подобно заявлению: «все стулья — уникальны». Если индуктивные единицы, составляющие обобщение, действительно уникальны, то как же можно говорить «о всех стульях» и о «всех выражениях морали»? Когда релятивист пользуется словом «мораль», то мы считаем, что он действительно знает, что есть для всех моральных кодексов какой-то общий элемент.

Агнос, мне кажется, что люди в сущности не думают о последствиях морального релятивизма. Если заявление: «нельзя убивать» не более, чем только моё субъективное чувство касательно убийства в данный момент, то из этого следует, что 1) было бы невозможно любому из нас ошибиться в этических оценках; 2) в отдельных случаях одна этическая оценка не имела бы одного и того же значения, потому что наши чувства меняются; 3) между людьми не было бы согласия по этическим оценкам.

Такие последствия лишили бы большую часть человеческой жизни настоящего значения. Читайте любую газету, слушайте любую радиопередачу или смотрите любую телепередачу, слушайте любую беседу и замечайте, как часто Вы слышите выражения моральной оценки. Обращайте внимание на такие слова как: «нужно», «не нужно», «должен», «не должен», «надо», «нельзя», «ответствен», «заслуживает порицания», «достойный осуждения», «обязательно». Всякий раз, когда люди беседуют между собой, то без слов предполагают и признают роль обязанности. Мораль может быть онтологически уникальной; быть может, Вам не нравится то, что мораль не является эмпирическим явлением и что нельзя заниматься ей, пользуясь научным методом. Однако, отрицать её реальность трудно.

Всё же, самая большая слабость этического субъективизма в том, что он противоречив. Снова это становится подобным тому, как проколоть сердце булавкой: рана небольшая, но смерть неизбежна. Даже нельзя говорить о морали без предположения её реальности. Поэтому всякий, кто хвалится моральным релятивизмом, противоречит самому себе. Допустим, что кто-то отрицает моральное переживание и спрашивает меня: «Как ты можешь

3. C. S. Lewis, *Mere Christianity*, rev. ed. (New York: Macmillan and Co., 1952), стр. 5. Чтобы познакомиться с недлинным сравнительным списком моральных кодексов, показывающих широкое согласие между основными этическими канонами, смотрите Апендикс в произведении C. S. Lewis, *Abolition of Man* (New York: Macmillan and Co., 1947).

4. Will Durant, *The Lessons of History* (New York: Simon and Schuster, 1968), стр. 37.

знать, что есть законы морали, объединяющие всех людей?». На это я бы ответил: «Какое право ты имеешь поставить мне этот вопрос? Не подразумевается ли в твоём вопросе, что мы *должны* иметь какие-то доводы, подтверждающие утверждаемое нами? Откуда ты получил право оценки, позволяющее тебе поставить мне такой вопрос? Ты, казалось бы, говоришь мне: *ты должен иметь доказательства, подтверждающие наши обязанности*. Но это то же самое, как сказать: «Ты должен считаться с той возможностью, что нет никакого противоречивого морального требования. Если никаких таких обязанностей нет, то мне не надо ни с чем считаться, если я этого не желаю». Когда кто-то утверждает, что без доказательств нам не надо верить в реальность морали, то он, не сказав этого словами, предполагает, что «сама необходимость предложить доказательства» является моральным требованием.⁵

Выходит, что мораль или, по крайней мере, один моральный принцип, — необходимость говорить правду, — уже заложен в нас при нашем рождении. Когда кто-то утверждает, что всякая мораль имеет относительное значение, то он считает, что я должен принять это предложение, потому что оно верно. То же самое происходит, когда мы устанавливаем закон противоречия для того, чтобы *отрицать* его, а, ведь, это доказывает, что этот закон фактически не нуждается в доказательстве. Аристотель обнаружил, что его оппоненты отказывались увидеть эту непоследовательность. После одного случая, расстроившего этого выдающегося философа, он пришёл к выводу, что только люди благородного характера могут понять логические основные принципы философии. Как всегда, скептику наиболее честно было бы просто молчать. Закон противоречия и необходимость говорить истину, казалось бы, присущи всякому виду рассуждения и коммуникации.

Когда кто-то отказывается увидеть своё противоречие, Агнос, то он совершает самую худшую ошибку, — ошибку упрямства. Упрямого человека не убедить в достоверности данного предложения даже тогда, когда доказательства весьма убедительны. Его ошибка не умственного, а морального характера.

2) Некоторые заявляют так: «Так как мы начинаем верить в наши ценности в результате того, что сами тому научились и что нам эти ценности внушали, то они имеют всего лишь относительное значение».

Скрытое предположение заключается в том, что никто не может и не должен преподавать нам то, что оказывается истинным, абсолютным или что нас обязывает, потому что всё заложено в человеке от рождения. Значит, оно априорно заложено в нашем разуме ещё перед познанием нами жизненного опыта. Мы верим, что у человека находится заранее заложенная способность моральной оценки, хотя, несмотря на это признание, данное возражение нас не убеждает. Тот факт, что нам что-то преподаётся и мы этот материал усваиваем, вряд ли служит доказательством, говорящим против нашего утверждения. Например, в мир мы не входим, зная научный метод, но это ничуть не изменяет факта его состоятельности. Если бы мы

5. Я недавно получил рекламу от фирмы из Нью-Йорка, специализирующейся по аудиовизуальной технике. В объявлении рекламируют программу со слайдами, относящуюся к гуманитарным наукам, под заглавием «Аудиофильмы, обсуждающие актуальные вопросы и ценности». На конверте написаны такие слова: «Ценностей мы не можем преподавать, однако мы должны их обсуждать». Если не дано нам ценности преподавать, то меня интересует то, какое значение в заявлении несёт слово «должны»?

обратили серьёзное внимание на это возражение, то надо было бы сравнить новорождённого малыша с образованным взрослым, т. е. всё, что приобрёл взрослый образованием, нужно было бы объявить ничего не стоящим!

3) Эволюционист выдвигает подобное возражение. Он старается опровергнуть аргумент Морали утверждением, что мораль в своей совокупности ничто иное, как постепенное развитие понятий, имеющих своё начало в животных инстинктах. Люди постепенно вырабатывают свои этические системы тем, что просто живут в общественных группах.

Это возражение совершает «генетическую ошибку», которая оказывается одним видом ошибки редукционизма. Совершаешь генетическую ошибку тогда, когда предполагаешь, что всякая растущая и развивающаяся вещь ни в коем случае не достигнет уровня выше своего первоначального состояния. Например, взрослый человек произошёл из одной оплодотворённой яйцеклетки, но было бы нелепо обратиться к человеку в пятидесятилетнем возрасте со словами: «Ты всего лишь — ходящая оплодотворённая яйцеклетка!».

Когда эволюционист утверждает, что мораль ничто иное, как развитие, начатое с животных инстинктов, то он предполагает, что таким рассуждением он уничтожает её объективную, обязывающую нас силу. Но тем же самым утверждением он уничтожает всякое логическое рассуждение. Ведь, эволюционист также утверждает, что интеллект у человека вышел из мозга приматов. Однако, он предполагает, что интеллект заслуживает нашего доверия. Если это так, то что именно оформило это возражение? Что оформило теорию эволюции? Если разум, развившийся из более низких форм, заслуживает доверия, то почему не моральная природа?

К тому же, это возражение не обращает внимания на большую разницу между человеческой моралью и животными инстинктами, — на разницу, которая особенно важна для моего утверждения, защищающего понятие, что человек превосходит животный и материальный мир. Ни один эволюционист пока ещё не выдвинул удовлетворительного объяснения того, как *общественный инстинкт* развился в *общественную сознательность*. Животные инстинкты — это биологически унаследованные образцы поведения, и они автоматически исполняются без всякой сознательной цели. Человеческая мораль оказывается чем-то совершенно другим. В истории человечества Вы можете вернуться к любому периоду, и Вы найдёте, что люди в то же время вели себя по очень сложным кодексам поведения.

Дело в том, что эти правила поведения не являются инстинктивными, т. е. они биологическим путём не наследуются. Стоит изъять человека из общественной среды, и он сам этих правил не разовьёт. Образцы человеческого поведения в своём большинстве передаются социальными учреждениями. Когда спрашиваешь о начале этих учреждений, то указывают на какого-то давнего предка. Кодексы поведения передаются не наследственным путём, а через образование.⁶ Их преподают, пользуясь человеческим языком. Поэтому, они принадлежат разуму, не инстинктам. Научить собаку этическим принципам невозможно, как и невозможно преподавать принципы высшей математики лошади или заставить ласку полюбить классическую музыку. Мораль относится только к человеку.

6. Смотрите отличное представление этой темы Бенджеменом Фаррингтоном в произведении Benjamin Farrington, *What Darwin Really Said* (New York: Schocken Books, 1966), стр. 75.

В. ЭСТЕТИЧЕСКИЙ АРГУМЕНТ В ДОКАЗАТЕЛЬСТВО СУЩЕСТВОВАНИЯ БОГА

Агнос, Вы помните, что аксиология, т. е. наука о ценностях, разделяется на две части: этику и эстетику. Если можно предложить Моральный аргумент в доказательство существования Бога, то и разумно считать, что также можно предложить Эстетический аргумент. Тот самый Бог, Который даёт смысл вопросам морали, проливает свет на вопросы эстетики. Мы могли бы объединить эти два аргумента и назвать их аргументом Аксиологии. Нам не нужно входить в детали относительно этого аргумента, так как принципы те же самые, как и в аргументе Морали.

Как в аргументе Морали мы начали с моральных переживаний, то и в этом аргументе мы начинаем с факта эстетических переживаний. У всех людей есть «чувство красоты» и время от времени они делают эстетические оценки. Если не так, то перед нами удивительное совпадение, ибо миллионы людей соглашались с тем, что некоторые вещи прекрасны, а другие безобразны. Например, было бы трудно найти человека, который серьёзно утверждал бы, что Большой Каньон, Швейцарские Альпы или Английские озёра безобразны. Было бы трудно найти человека, утверждающего, что Гомер, Данте, Шекспир и Гёте писали чушь, и что Рембрандт, Рафаэль Санти и Ван Гог нарисовали безобразные картины, или что статуи Фидия, Микеланджело и Бернини ничуть не красивее кучи навоза.

Если бы Вы серьёзно верили, что в объективном мире нет ничего, дающего значения слову «красота», то мы просто пришли бы к выводу, что Вы являетесь кретином по эстетике, что Вы лишены всякой способности увидеть красоту, которой обладает большинство людей. Это подобно тому, как кретин по моральным вопросам лишён способности ощущать давление морального кодекса. Мост Золотых Ворот не был бы ничуть красивее раздавленной баночки для пива; «Пиэта» Микеланджело не была бы красивее детского пирога, сделанного из грязи; Пятая симфония Бетховена не была бы мелодичнее радиопомех. Для большинства людей такие последствия показались бы тревожными.

Я должен признать, что искусство иногда представляется субъективным явлением; понятие красоты, казалось бы, зависит от моды, а мода постоянно меняется. Но это поверхностное представление искусства. Надо было бы только сравнить несколько историй искусства и Вы увидели бы, что есть немало удивляющего нас согласия по эстетической оценке. Неполной оказалась бы любая история западного искусства без упоминания Микеланджело, Рафаэля, Фидия, Рембрандта. Пока ещё определяются принципы эстетической оценки в отношении современных произведений искусства. Современный художник, быть может, борется за всеобщее признание, но Рафаэлю этого уже не надо делать! По сравнению с вопросами морали, вообще требуется больше времени, чтобы установить принципы эстетической оценки, но, в конечном счёте, трудно сдвинуть с пьедестала классические произведения старых мастеров. Выдающиеся произведения искусства прочнее многих научных теорий.

Мы никогда не достигнем полного согласия по вопросам эстетики, как и никогда не достигнем полного согласия по вопросам этики, но если наши эстетические переживания — чисто субъективного характера, то трудно объяснить большое согласие, достигнутое людьми по эстетическим вопросам. Если искусство всего лишь дело вкуса, то большая мера согласия в эстетической оценке оказывается почти что чудом совпадения.

Агнос, когда Вы по-настоящему оцениваете этику и эстетику, то видите недостатки эмпирической эпистемологии. Если бы разум человека был всего

лишь *tabula rasa*, т. е. чистой страницей, то мы не имели бы никакого права предпочитать одно действие другому или назвать одну вещь красивой, а другую безобразной. Если бы человек обладал пустым и пассивным разумом с механизмом ощущения, которым он собирал бы данные, то Вы не могли бы иметь философское основание для этики и эстетики. По сравнению с нами, людьми, у многих животных есть более острые чувства. Почему они не могут делать оценки об истине, этике и эстетике? Почему ласка не может наслаждаться музыкой Бетховена, исполняемой струнным квартетом? Если эстетика определяется чувствами, то в распоряжении ласки находятся все необходимые органы для оценки. Если способность делать эстетические оценки действительна, то человек, видимо, обладает тем, чего у ласки нет.

Эмпиризм, принимающий данные, основанные только на чувствах, не может ни для чего установить нормы, тем более для морали или красоты. Джордж Эдуард Мур прекрасно это отметил в приоживлении «Принципы этики» (1903), в котором он говорит о материалистической ошибке, о попытке выделить принципы того, что «нужно делать», из того, что «есть». Эпикур и Джон Стюарт Милль пытались составить этические системы на основании предположения, что люди действительно чего-то желают, поэтому и они должны того же желать. Однако, ценности не определяются путём эмпирических данных, так как такие данные говорят о том, что люди делают, а не о том, что они должны делать. Норма должна выйти из разума, иначе настоящей нормы не было бы.

Если красота является объективным явлением, то, как в аргументах Замысла и Морали, это снова приводит нас к некоторым метафизическим последствиям. Как только мы действительно понимаем, в чём заключается эстетическое переживание, мы тут же вводим в дискуссию разум, чтобы объяснить такое переживание: Мы начинаем постигать и тонко ощущать художественные произведения людей, когда чувствуем, что мы «поняли» и «интерпретировали» цели художника. Чувствительные художники и поэты говорят одно и то же о природной красоте. В стихотворении «Тинтернский монастырь» Уильям Вордсворт пишет:

«Ибо я научился

На природу смотреть, не как в час
Бездумной молодости, но часто слыша
Тихую, печальную музыку человечества,
Ни резкую, ни скрипучую, хотя — такой силы,
Чтобы наказать и покорить. И я чувствовал
Присутствие чего-то, волнующего меня радостью
Возвышенных мыслей, ощущение высокого,
Чего-то гораздо более перемешанного,
Чьё присутствие является светом восходящих солнц
И обширный океан и живой воздух
И голубое небо, и в уме человека —
Движение и дух, побуждающие
Все мыслящие объекты, всё мышление,
И проникающие во всё».

Если Вселенная является творением Вечного Разума, — Разума, Который сотворил красоту в мире и способность во мне чувствовать её, то мои эстетические чувства этим достаточно объяснены. Агнос, если теизм достоверен, то снова удовлетворено моё желание понять очень важный аспект моего личного опыта.

В. ЧЕЛОВЕК — МЫСЛИТЕЛЬ

Аргумент здесь немало усложняется, Агнос, поэтому в этой части прошу Вас внимательно читать и обдумывать то, что будет сказано.

Мой тезис заключается в том, что человеческая способность мышления удовлетворительно не объясняется материализмом. Как мораль нечто большее, чем только стимул или инстинкт, и красота нечто большее, чем только вкус и личное предпочтение, то мышление — это нечто большее, чем только неврология. Если считать человека всего лишь естественной материальной единицей, то никак не объяснишь человеческой логики.

Приведём пример. Посмотрим на разницу между планиметрией и стереометрией. Планиметрия относится к двум измерениям: длине и ширине. Стереометрия добавляет третье измерение: глубину или высоту. В планиметрии круг остаётся плоским; в стереометрии он становится шаром. Если отрицаешь состоятельность стереометрии, если считаешь, что можно смотреть на круг только по образцу планиметрии, то круги у тебя всегда будут плоскими. Ты не поймёшь уникальных свойств шара. Это верно, что ты мог бы смотреть на все геометрические фигуры только с точки зрения планиметрии, но этим ты не познакомишься бы с третьим измерением. Если не обращаешь внимания на одну часть реальности, то всякая твоя оценка дефективна.

Что касается человека, то его можно воспринять с точки зрения материи, но этим его полностью не поймёшь. Много из того, что он делает, оставалось бы непонятным. Согласно приведённой метафоре, человек оказался бы «плоским». Мы уже заметили, что мораль и эстетика, видимо, кажутся некоторым людям «онтологически особенными». Человеческое мышление в подобной мере особенно. Если вы желаете понять все эти особенные свойства у человека, то Вам нужно будет оставить редуccionистическую позицию материализма и предположить ещё другую сферу реальности, чтобы полностью объяснить человека.

Какие у меня доказательства, показывающие, что, как и в областях морали и эстетики, онтологической особенностью человека является также и мышление?

1) Я вижу затруднения материализма подтвердить свою позицию, сохраняя логическое мышление. Часто так выходит, что трудности одной теории становятся доказательствами для другой, и как раз это мы замечаем по отношению к материализму и теизму. Когда материалист старается подтвердить своё мировоззрение, то он не может сделать этого без противоречия самому себе. Всякое мировоззрение должно объяснить не только Вселенную в её общем плане, но также само себя.. Вы помните пример собаки, заявляющей, что собаки не говорят. Материалист находится в таком же самом положении, так как он начинает мыслить, а затем выражает мировоззрение, по которому всякое мышление ставится под сомнение. Согласно его мировоззрению, всё, — и тут же имеется в виду и разум, — исходит из физического, естественного, материального миров. Однако он должен пользоваться своим физическим разумом для того, чтобы защищать своё метафизическое понятие.

Но как же физический мозг может доказать превосходство своего соображения над соображениями другого физического мозга? Если разум составлен только из материи, то он как-то «выделяет» мысли подобно тому, как печень выделяет жёлчь или сердце посылает кровь через артерии. Как же можно доказать, что по содержанию истины один выделенный продукт лучше другого? Ваш разум выделяет материализм; мой разум выделяет теизм.

Который из них достоверен? Не кажется ли Вам, что прилагательное «достоверен» здесь не по существу? Как же выделяемое: может быть достоверным или ошибочным? К тому же, почему люди годами держат в тайне такие странные явления как материализм, пантеизм, теизм, рационализм, деизм? Что меняет выделяемое? Солнечные пятна? Космические лучи? Почему как-то внезапно материализм стал якобы достоверным современным выделяемым продуктом? Объяснять истину в терминах выделяемого продукта, быть может, кажется Вам странным подходом к рассматриваемому делу?

Эта неясность разъясняется тогда, когда утверждается, что существует другая сфера, в которой мышление, даже мышление о материализме, превосходит пределы неврологии. Поэтому та трудность, которую материализм испытывает в подтверждение своей позиции, становится свидетельством, поддерживающим мировоззрение, по которому признаётся действительность сверхъестественного. Если собака должна словами высказать, что «собаки не говорят», то этим-то и доказывается, что они фактически говорят.

2) Другое доказательство онтологической особенности мышления состоит в странном дуализме, который замечается в речи между словами, относящимися к предметам и идеям.⁷ Наша речь показывает, что мы инстинктивно ощущаем основную разницу между сознанием и телесным действием. Давайте составим список слов, описывающих материальные предметы: толстый, тонкий, густой, твёрдый, сплошной, скользкий, липкий, быстрый, медленный. А теперь составим список слов, описывающих идеи: неоспоримый, остроумный, убедительный, резкий, понятный, правдоподобный, противоречивый.

Попробуйте только изменить материальные предметы, приписывая к ним слова, относящиеся к идеям, и наоборот, и Вы увидите, какие странные сочетания получаются. Обращайте внимание на следующие примеры. В какой мере быстра теория коммунизма? Какого цвета теория эволюции? Остроумно, ясно или неоспоримо ли движение маятника? Направляется ли материализм в северную или южную сторону? Какой густоты ошибка Составления? В какой мере скользка дедукция? Вы слышали о двух машинах, которые противоречат друг другу? Почему эти вопросы кажутся нам странными? Потому, что такие идеи как эволюция, коммунизм, и материализм не проявляют свойства густоты, цвета или скорости. Но если действительность — материального характера и состава, то почему идеи не проявляют материальных качеств? Почему наша речь постоянно поляризует нас вокруг двух центров: мыслей и предметов?⁸

3) Третьим доказательством онтологической особенности мышления является способность человека думать понятиями. Нет надобности теисту утверждать, что всякое мышление превосходит физическую неврологию, так как ясно, что у человека есть физический мозг и ясно, что этот мозг вполне активен в процессе мышления. Однако есть особая форма мышления, — сос-

7. Смотрите Brand Blanshard, *The Nature of Thought* (London: George Allen and Unwin, 1939), стр. 336.

8. Гегелевский диалектический принцип был искажён Карлом Марксом. Гегель был идеалистом, и в системе идеализма две вещи могут «противоречить» друг другу и составить из себя синтез. Однако Маркс утверждал, что всё существующее является материей. Если возникает какое-то противоречие, то должно быть так, что противоречат друг другу две материальные единицы. Такое соображение очень странно!

тавление понятий, которые не объясняются неврологическими механизмами. Изучающие это явление, в основном соглашаются с тем, что ключём к наблюдаемым различиям в поведении между человеком и животными является человеческая способность думать понятиями. Есть убедительное доказательство, показывающее, что для функционирования мышления понятиями требуется что-то нематериальное.⁹

Когда разум составляет некое понятие, то в мире нет особенных эмпирических предметов, к которым непосредственно относится это понятие. Когда Вы видите лошадь, то обычно не говорите: «Вот это лошадинность!», или: «Вот это млекопитающее!». Вы вероятно указываете на предмет по его, роду: лошадь, затем по имени собственному как, например, «Доббин». Названия предметов разделяются на две категории: 1) особенных или отдельных предметов, и 2) общих и абстрактных понятий. Мы пользуемся именами собственными по отношению к определённым узнаваемым нами индивидуумам. Но если тщательно рассмотрим все языки, то заметим целое количество терминов, не относящихся к никаким отдельным предметам, — таких терминов, как человечество, животное, растение, четвероногое, млекопитающее, плотоядное, позвоночное. Эти названия или определения ни к одной отдельной единице не относятся, но лишь к главным свойствам определённого класса. Мы называем их «универсалиями». Одна из самых древних проблем философии заключается в вопросе: какой статус имеют универсалии?

Допустим, что я попросил Вас указать на уникального представителя слова «млекопитающее». Если бы вы указали на корову, то сделали бы ошибку, потому что корова разделяет некоторые свойства с тигром и китом. Вернее, Вы сказали бы: «Вот это один пример животного». Но отвечая таким образом, Вы показали бы, что слово «млекопитающий» относится к целому классу животных, разделяющих определённые свойства. Например, тигр одновременно — и млекопитающее, и четвероногое, и плотоядное и позвоночное, но мы редко упоминаем все эти понятия, когда говорим об отдельном тигре. Только одна вещь может дать слову «млекопитающее» значение, — наше понятие, наше представление общего класса животных, выкармливающих детёнышей молоком. Если бы разум не имел понятий, определяющих классы или роды, то мы никогда не могли бы использовать общие названия для определения класса, которому принадлежит данный индивидуум. Млекопитающее, как такое, не существует в мире, но понятие действительно существует в разуме.

Так что в разуме должно быть нечто, какой-то механизм, по которому разум смотрит на некоторые примеры данного класса и определяет их сущность. Это правда, что разум должен смотреть на отдельные примеры в мире для того, чтобы определить сущность данной группы, но раз понятие составлено, то оно не имеет представителя в мире так, как имеет однократное наблюдение данного примера. Его настоящий представитель существует только в разуме.

Если понятия находятся только в разуме, то они онтологически особенны; они, на самом деле, не существуют в эмпирическом мире. Мы теперь можем завершить наше утверждение категорическим силлогизмом:

- 1) Все понятия носят универсальный характер.
- 2) Нет ни одного физического предмета, носящего универсальный характер (т. е. каждый такой предмет носит свой особенный характер).

9. Смотрите М. Adler, *Difference of Man*, стр. 220—222; также смотрите ссылку № 42 в главе 12-ой, стр. 340—347.

3) Поэтому понятия не являются физическими предметами.

Этот силлогизм состоятелен, потому что он удовлетворяет всем требованиям категорического силлогизма (три утверждения, распространённую среднюю часть и так далее). Если предпосылку можно доказать, то вывод состоятелен. В результате нашего соображения мы пока установили первую предпосылку: в намерении понятия должны носить универсальный характер, иначе они не могли бы помочь нам понять (как мы это понимаем), что такое млекопитающее или четвероногое?

Вторая предпосылка доказывается наблюдениями здравого смысла. Никто не утверждал бы, что собачьи ноги сами по себе составляют какую-то «универсальную собачность»; вернее, утверждалось бы, что собака — это один пример её класса. Индивидуальные или отдельные вещи всегда — материального характера, и, наоборот, материальные вещи носят характер индивидуальности. Так как обе предпосылки являются эмпирическими обобщениями, то уничтожишь первую или вторую, если выдвинешь даже один отрицательный пример. Никто пока ещё такого примера не нашёл. М. Адлер комментирует: «Никто пока не предоставил существующего предмета, относящегося к общему опыту или к научному знанию, который в виде своего существования являлся бы одновременно — физического или материального и универсального характера (т. е. который являлся бы классом вещей, вместо отдельной вещи)».¹⁰

Если наше утверждение состоятельно, то это показывает, что наши понятия — нематериального характера. Объяснить силу мышления понятиями, ссылаясь на физический мозг, — это показывало бы, что понятие — материального характера, поэтому оно также особенного характера. Этим объясняется, почему материалист встречает трудности, когда защищает своё мировоззрение посредством полностью физического мозга; ведь, материализм является громадным понятием, превосходящим миллионы индивидуальных представлений вещей.

Признаю, что это утверждение довольно абстрактно и сложно, и я знаю, что главное возражение, которое Вы возможно хотели бы выдвинуть против него, выходит из эмпирического исследования мозга. Вы, быть может, станете утверждать, что когда повреждается физический мозг, то это действует и на целый процесс мышления понятиями. Это доказывает, что мозг участвует в процессе мышления понятиями, как он также участвует в мышлении перцепцией. Если мозг чем-то повреждён или если даются индивидууму особые медикаменты, то мышление понятиями может исказиться. Не доказывает ли это, что *всякое* мышление только — физического характера?¹¹

Не обязательно. Доказать, что физический мозг участвует в мышлении понятиями, — это не то же самое, как доказать, что физический мозг является *единственной* причиной, вызывающей мышление понятиями. Многие сложные феномены вызываются причинами двух типов: 1) *необходимой* причиной, и 2) *достаточной* причиной. Необходимая причина — это все условия, которые должны присутствовать, чтобы вызвать данный результат. Достаточная причина — это то условие, которое присутствует в достаточной мере, чтобы вызвать данный результат, т. е. это, пожалуй, настоящая причина следствия. Необходимая причина — это те условия, *без которых данный результат не осуществится*, но которые, сами по себе, не вызывали бы данного

10. Там же, стр. 222.

11. Гипотеза, по которой утверждается, что разум всецело равносителен физическому мозгу, называется «гипотезой тождества». Она логически вытекает из материализма.

результата (т. е. если не «А», то также и не «Б»). Достаточная причина — это то условие, с помощью которого данное следствие осуществится (если «А», то и «Б»).

Например, если спросить: «Почему лампа горит?», то Вас, вероятно, не удовлетворит ответ: «Потому, что провода выходят из электрического источника и соединены с лампой». Все эти условия необходимы для того, чтобы лампа горела. Однако Вы в сущности хотите знать, кто включил свет? Объяснение горящей лампы остаётся неполным, пока не будет открыта Вам достаточная причина. Провода и лампы света не включают.

Физический мозг является необходимой причиной мышления понятиями, но не его достаточной причиной. Это объясняет, почему наркотики могут испортить мышление понятиями подобно тому, как лампа перестанет гореть, когда перережут провода. Если перерезать провода, соединённые с лампой, то этим не докажешь, что какой-то человек не мог бы быть достаточной причиной горящей лампы, т. е. *при том условии*, что провода в исправном состоянии. Подобно тому, не докажешь сущности нематериального характера мышления понятиями тем, что расстройство мозга действует на этот процесс. Доказать его нематериальный характер таким образом — этого как раз мы и ожидали бы, если бы физический мозг был необходимой причиной, но не достаточной причиной мышления понятиями.

Кстати, не кроится ли под этим возражением противоречие? Вы говорите, что химикалии могут испортить здоровое мышление, но Вы также говорите, что мозг — это электро-химический организм. Разве не все химические реакции в одинаковой мере необходимы? Если некоторые химикалии портят мышление, то как же, пользуясь ими, можем мы гарантировать здоровое мышление? Ведь это другой вид нашей прежней проблемы в утверждении, что по содержанию истины один выделяемый продукт может оказаться лучшим, чем другой.

4) Другой линией доказательства в пользу онтологической особенности человеческого мышления является человеческая память. Наука о механизмах памяти пока ещё на первых ступенях знания, поэтому выводы здесь не могут быть окончательными. Но даже сейчас есть очень интересный материал о памяти, который подходит к нашему тезису.

Например, люди, исследующие вопрос памяти, показывают, что находишься одновременно в двух состояниях, когда припоминаешь пережитый случай. Можешь лежать на столе и говорить с доктором, который проводит анализ над тобой, и одновременно присутствовать на месте припоминаемого события. Ваш мозг функционирует, как магнитофон с высоким качеством воспроизведения; он обладает удивительной способностью достоверного воспроизведения реальности. Он запоминает не только пережитые случаи, но также и чувства, тесно связанные с пережитым происшествием. Когда Вы припоминаете пережитый случай, то Вы иногда снова испытываете те же самые чувства.

Научно-исследовательская работа по вопросу припоминания показывает, что центром памяти является кора головного мозга, но она не функционирует точно так, как функционирует запоминающее устройство в компьютере, где каждая единица информации сохранена в одной электронной клетке. Запечатлённая информация, казалось бы, «распространена» по всему мозгу вместо того, чтобы быть сосредоточенной в одном месте. Хирурги могут вырезать большие части мозга, но это не уничтожает пропорционального количества запомненной информации. Это показывает, что каждый запомнен-

ный случай сохранён во всех частях мозга.

Есть ещё интересный факт, — именно, нервные клетки не разделяются, поэтому в любом возрасте имеется лишь ограниченное количество клеток, способных сохранить заложённую информацию. Нервные клетки, которые начинают умирать приблизительно после достижения двадцатипятилетнего возраста человека, не заменяются новыми. Несмотря на это, наша способность интеллектуального соображения увеличивается и мы учимся новому материалу. Хотя физический мозг теряет клетки, это не содействует соответствующей потере в знании.

Прочность и долговечность мозга — это явление удивительное. Старик может забыть то, что было сказано ему пять минут спустя, но он помнит случай, пережитый им восемьдесят лет тому назад. Если память — чисто физическое явление, то можно было бы объяснить его долговечность, указывая только на какое-то необыкновенное химическое вещество. В прошлом исследователи считали, что белок является этим точным веществом, сохраняющим информацию, но это видимо не так, потому что мозговой белок полностью заменяется каждые три недели. Химическое вещество, которое так часто заменяется, вряд ли может принимать и на протяжении долгого времени сохранять информацию. В последнее время некоторые предполагают, что сохраняет информацию молекула ДНК.

Многое из таких доказательств соглашается с нашей гипотезой, что, хотя физический мозг является необходимой причиной для человеческой способности мышления, он сам по себе не является достаточной причиной. Если было бы прямое, непосредственное отношение мозговых клеток к умственной способности, то как можно было бы объяснить 1) что вырезание некоторой части мозга не отнимает соответственного количества информации, или 2) что после достижения двадцатипятилетнего возраста количество мозговых клеток уменьшается, а умственная способность увеличивается и усложняется?¹²

Все доказательства, представленные до сих пор: противоречие материализма, психическо-физический дуализм по отношению к нашей речи, мышление понятиями и таинственное функционирование памяти, — всё это воедино сводится к убедительному утверждению, что человек в целом превосходит физический мир (он трансцендентен). Но понятие трансцендентности в науке и философии просто соответствует понятию сверхъестественных явлений в теологии, и если приходится ссылаться на сверхъестественное в объяснении человека, то антропологические понятия материализма оказываются неадекватными. Как в планиметрии, материализм оставляет человека «плоским».

Может быть, эмпирическая наука не замечает трансцендентных свойств у человека по той причине, что учёные постоянно смотрят на мир с помощью разума. Если слишком долго будешь смотреть на мир, то проявись тенденцию забывать об уникальных свойствах инструмента, которым смотришь на мир. Эмерсон сказал, что если бы звёзды выходили раз в столетие, то мы приложили бы усилия к тому, чтобы быть готовыми увидеть это зрелище, но ввиду того, что звёзды выходят каждую ночь, то мы принимаем это, как вполне нормальное явление.

То же самое можно сказать о разуме. Мы принимаем его, как нормальное явление, потому что знаем о нём интуитивным и непосредственным путями.

12. Смотрите W. Penfield, "Memory Mechanisms," *A.M.A. Archives of Neurology and Psychiatry*, 67 (1952): 178—198; Denis Alexander, *Beyond Science* (New York: A. J. Holman Company, 1972), стр. 36 и дальше.

Мы склонны считать, что атомы, молекулы и электроны — это что-то более, чем только первоначальная действительность, и мы говорим, что разум — «субъективное явление». Однако разум — это вещь, о которой мы наиболее уверенно знаем. Как утверждал Карл Юнг:

«На каком основании люди знают, что единственной реальностью является физический атом, когда доказать это практически невозможно, кроме только, с помощью психики. Если есть что-нибудь такое, что можно назвать первоначальным, то это должно быть психика, — ни в коем случае это не может быть атом, который, как всё остальное в нашем опыте, даётся нам непосредственным образом, как образец или картина».¹³

В минувшем столетии был некий учёный, который заявил, что он не верит в существование души, потому что не мог найти её в пробирке. Ему не приходило в голову, что он не туда смотрит и с помощью не того инструмента. Дэвид Юм отрицал, что существует душа и утверждал, что наше «я» — всего лишь коллекция мимолётных проходящих образов. Если использовать аналогичный пример, он сказал, что разум похож на нить жемчуга без нити, связывающей отдельные жемчужины, иначе говоря, без нашего «я», связывающего целый ряд проходящих чувств. Но как иметь коллекцию без коллекционера? Если разум — всего лишь нить жемчуга, то которая жемчужина определяет, что «разум — только нить жемчуга»? Каким образом та одна жемчужина, увидевшая это, приобрела способность, так сказать, превзойти пределы своего состава и увидеть целый жемчуг? Значит, наше «я» должно быть трансцендентным для того, чтобы подтвердить, что оно не трансцендентное!

Агнос, может быть, Вам не нравится, когда люди говорят о душе, духе, сознании, нашем «я», личности, логическом мышлении, уме или о чём-то другом, которым пользуются люди, но эти слова служат определениями необходимого образца, которым мы пользуемся в понимании поведения человека. Образцы помогают нам понять рассматриваемый объект и его работу. Человек — очень сложное существо, и с доисторических времён самые выдающиеся люди занимаются анализом поведения человека. Через всю историю такие понятия, как дух и плоть, или разум и душа, служили средством для понимания некоторых таинственных явлений. Если Вы скажете, что надо покончить с идеей души, то надо представить новый образец, который мог бы занять её место и в той самой мере объяснить сложность и онтологическую особенность, которую мы уже обсуждали. Я считаю, что невозможно представить лучшее понятие, чем понятие души. Всё, что можно сделать, — это предложить какой-то синоним для этого слова.

Одно из самых интересных явлений в истории интеллектуального развития человечества в Европе касается того, как в психологии люди перестали пользоваться словом «душа», потому что она связана с теологией. А чем это слово заменили? Греческим термином, носящим значение души, — именно, это слово «психика»! Психики я не нахожу в пробирке. Почему психологи убеждены, что существует нечто такое? В своём старании объяснить человека они также виновны, как и теологи в предположении существования невидимых явлений или реальностей. Обратим внимание на понятия, использованные Зигмундом Фрейдом: ид, «я», сверх-«я», эдипов комплекс. Разве найдёшь всё это в пробирке? Усердный материалист мог бы спросить у Фрейда: «В какое точное неврологическое состояние входит мозг, когда че-

13. Прочитировано в книге: Wood Krutch, *The Measure of Man* (New York: Grosset and Dunlap, 1968), стр. 122.

ловец страдает от эдипова комплекса?». Как ответил бы Фрейд? Он мог бы всего лишь сказать, что это образец, средство для того, чтобы понять поведение человека. Никогда не видишь образца непосредственно подобно тому, как и не видишь самого ветра. Верись, что, он существует, потому что такое убеждение о нём объясняет то, что видно.¹⁴

Неверующие часто жалуются, что можно говорить о Боге только в символических, метафорических или аналогических терминах. Это правда, но разве не то же самое можно сказать в отношении разума? Неужели Фрейд даёт нам понять, что существует настоящий цензор сна, который сторожит дверь, ведущую от ида к нашему «я»? Вряд ли. Тем не менее, слово «цензор» — весьма удобный, полезный и красочный термин в изображении того, что существует, и оно прекрасно отображает то, что совершается. Фрейд был вправе его использовать, если оно эффективно изображало действительность.

Денис Александер нам много помогает в представлении образов для объяснения поведения человека. В книге «За пределами науки» он показывает, что наука никогда не представляет «настоящей истины» о мире, но скорее всего — образец, через который проявляется старание составить концепции о наблюдаемых феноменах подобно тому, как карта символизирует землю. Карта *представляет* нам действительность, но она не является действительностью, а также она *не вызывает* действительности, которую собой представляет. Качественная карта близко соответствует и изображает землю, но стопроцентно достоверной карты не найдёшь. Чтобы достоверно изобразить такую простую вещь, как землю, необходимы карты, показывающие высоту, осадки, растительность, геологический состав и т. д. Если поместить всю эту информацию на одной карте, то она оказалась бы столь усложнённой, что прочитать её было бы невозможно. Когда рассматриваемая вещь усложнена, то надо проанализировать её несколько раз и каждый раз — сосредоточиваться только на одном свойстве.¹⁵

В отношении человека феномен столь сложен, что необходимы карты с точки зрения биохимии, анатомии, антропологии, социологии, истории и, — если мои утверждения в этой главе убедительны, — теологии. То, что можно исследовать моё поведение только в терминах биохимии, не доказывает, что человек составлен всего лишь из химических веществ подобно тому, как и картой не докажешь, что земля составлена всего лишь из растений.

Г. РЕАЛЬНОСТЬ СВОБОДЫ

Утверждение о трансцендентности человека оказалось бы незавершённым без защиты понятия свободы. Казалось бы, что нет истины более приемлемой здравому смыслу человечества, чем свобода воли. Если отрицать её, то большая часть нашего опыта теряет значение. Реальность свободы идёт за пределы наших утверждений. 1) Человек обвиняет себя и ощущает вину, когда делает что-то не так, потому что он считает, что он мог бы выбрать какой-то лучший путь. 2) Суд очень строго осуждает подсудимого после того, как приходит к выводу, что он по свободной воле совершил преступ-

14. Не без причины замечается то положение, что в языках мифа слово «дух» и «ветер» одно и то же. Обе реальности нами невидимы и проявляют наглядные результаты. В беседе с другом, Людвигом Бинсвангером, З. Фрейд, — как утверждается, — сказал: «Да, дух — это всё... От начала человечеству было известно, что оно имеет дух; мне нужно было показать, что есть также и инстинкты». Процитировано в книге: Leslie, *Jesus and Logotherapy*, стр. 22.

15. Alexander, *Beyond Science* (Holman, 1977).

ление, в котором обвинён. 3) Почти во всех религиях мира и моральных кодексах найдёшь закон судьбы, т. е. принцип возмездия, по которому считается, что «твои грехи найдут тебя» или «что посеешь, то и пожнешь». Если отрицать свободу, то это прекратило бы всякую деятельность коммерческих предприятий. Нужно было бы тогда изменить многие слова в нашей речи. Разумеется, то, что поддерживает немалую часть нашего опыта, не является иллюзией.

Всё же, те, которые продолжают считать человека материальной единицей, отрицают свободу. Они утверждают, что человек управляем законом причины и следствия в такой мере, как и бильярдный шарик. Всякий раз, когда я слышу детерминиста, который защищает свой детерминизм, то это звучит для меня довольно странно. Если эта теория достоверна, то это имеет значение, что мне суждено верить тому, во что верю, независимо от утверждений, которые мне предлагают. Может быть, детерминисту лучше было бы потрясти меня и увидеть, стану ли я детерминистом в результате трясения мозговых молекул или нет. Этого он не делает; он просто продолжает спорить со мной! Почему?

Хороший вопрос: почему мы спорим? Если спорить, то это мне показывает, что мой оппонент-детерминист предполагает, что я свободен выбрать для себя даже и его позицию, однако его детерминизм отрицает такую возможность. Э. Дж. Карнелл пишет: «Если человек оспаривает моральную свободу, то он просит слушателя оценить его утверждения о моральной свободе, поэтому его возражение, — подобно возражению того, кто критикует закон противоречия, — себя отрицает».¹⁶

Детерминисты жалуются, что вера в реальность свободы уничтожает принцип причинности в науке. Это неверно, потому что мы говорим о причинности иного типа, — о причинности, которая действует в духовной области. Свобода не означает, что человек не может унаследовать определённые условия и склонности, выходящие из его прошлого. Они свободы не аннулируют, а всего лишь обуславливают и определяют её. Как в случае мышления понятиями, человек стоит выше природы и её механизма. Как наше «я», знающее феномены, не является одним из известных нам феноменов, то так и наша воля, производящая любое действие, не была вызвана тем средством, которым вызывается всё остальное. Те, кто верит в реальность свободы, не говорят, что данное действие ничем *не вызвано*, а просто утверждают, что оно вызвано *нашим «я»*, т. е. не материальной действительностью.

Если различие между этими двумя типами причинности выходит ошибочным, то я просто не могу понять, почему люди поступают так, как они поступают. Многие из того, что мы делаем, выходило бы нелепостью, если бы мы не обладали свободой. Почему Вы вправе сильнее возмутиться против убийцы, ударившего человека ножом, чем против мула, ударившего человека копытом? На каком основании дано нам более волноваться о нападении грабителя на другого человека, чем о падении снежинок на его голову? Почему Вам нужно быть благодарным тому, кто помог Вам? Ведь он по-другому не мог бы поступить? Не забывайте того, что теория должна объяснить рассматриваемое действие.

Психотерапия предоставляет нам другую линию доказательства в пользу свободы воли. Большинство докторов знают, что страдающие могут изменить состояние многих заболеваний своим настроением. Трудно определить, где находится наше «желание выздороветь», но его реальность неоспорима. Если человек был бы всего лишь материальной единицей, то, казалось бы,

16. *Christian Commitment: An Apologetic* (Grand Rapids: Eerdmans, 1948) стр. 115.

все его трудности можно было бы исправить лекарствами и операциями. Однако такие вещи играют лишь маленькую роль в лечении душевной болезни. В последние десятилетия мы замечаем рост в появлении новых школ по психологическим вопросам, преданных предположению, что главными условиями душевного здоровья являются свобода и её последствие: моральная ответственность. Три из этих школ — это школа реалистической терапии, логотерапии и анализа делового поведения.

Наряду с мышлением понятие о свободе воли более всего отделяет человека от животных. В последнее время появилось несколько книг, в которых подчёркивается связь человека с животными: «*The Naked Ape*» (Голая обезьяна), «*The Human Zoo*» (Человеческий зоопарк), «*The Human Animal*» (Человек-животное). В большинстве случаев те, кто изучает этот вопрос, не обращают внимания на большие различия между инстинктами и логическим соображением, не говоря уже о философских результатах, вытекающих из этих различий. Дарвин не понял этой разницы и пытался свести всю деятельность разума к чисто биологическим процессам как, например, к процессу «естественного отбора». Плохие результаты, вызванные социальным дарвинизмом в нашем столетии, настолько известны, что здесь не надо документировать их. Печально то, что можно было бы их избежать, если бы люди понимали разницу между человеческим соображением и инстинктами животных.

Природа человека более всего выходит из учреждений, созданных им. Животные учреждений не создают. Образцы поведения животных по инстинктам предсказуемы согласно их виду, т. е. их поведение передаётся от поколения к поколению через механизм биологической наследственности. Те прекрасные действия, наиболее похожие на человеческие действия, — такие, как предупредительный крик у животных или танец пчёл для указания местоположения мёда, — передаются наследственными путями. А в обществах человечества самое характерное поведение людей передаётся образованием, воспитанием, — не по наследству. Люди, пользуясь речью, познают большинство форм общественной жизни по своей свободной сознательной инициативе. Тот, кто не обращает внимания на эту критическую разницу, закрывает глаза на всю историю человечества.

Это можно подтвердить наблюдением того, что *никакого морального гена нет*. Если бы он существовал, то мы видели бы большую последовательность в поведении людей и в их моральных кодексах. Мы перед этим отметили, что различия между моральными кодексами использованы против Морального аргумента, но если человек свободен и его этические действия не являются предсказуемыми соответственно его виду, то мы как раз и ожидали бы увидеть различие между моральными кодексами.

Кто-то сказал правду, что перепутать логическое соображение человека с инстинктами животных — «крысоморфичная ошибка», по которой человеку приписываются только свойства крысы. Это не безобидная ошибка; она привела человека к печам Освенцима.

В настоящее время крысоморфичную ошибку совершает профессор Б. Ф. Скиннер, самый известный современный американский психолог. Скиннер считает, что если избавить мир от всех его проблем, то мы должны пойти «за пределы свободы и достоинства» и прийти к состоянию утопии, когда правильное обучение, наконец, вытеснит всякое зло из нас. Скиннер утверждает, что «гипотеза, согласно которой человек не является свободным, необходима в применении научного метода к исследованию поведения челове-

ка». ¹⁷ Причина вполне ясна: невозможно наукой исследовать такую вещь, как волю, которая «скачет сюда-туда» и которой не определишь. Как-то смешно, что Скиннер не столько отрицает существование свободной воли, сколько утверждает, что то, чего физическая наука не может исследовать, не существует. Он говорит: то, что не поддается моему методу исследования, не существует.

Артур Эддингтон однажды использовал знаменитую аналогию, которая как раз и подходит к понятию Скиннера. Эддингтон был одним из тех, кто сильно ощущал ограничения науки. Он рассказывает о рыбаке, который всегда пользовался своей собственной сетью и на основании личного опыта пришёл к выводу, что «в море нет существ, которые длиною менее двух дюймов» (пяти сантиметров). Многие не соглашались с его выводом и заявляли, что есть немало морских существ, которые длиною менее двух дюймов и что они проходят через ячейки его сети. Этот ихтиолог не поддавался. «То, что моя сеть не ловит, не может быть рыбой» — утверждал он. К тому же, с презрением он стал обвинять критиков в том, что они придерживаются предвзятых донаучных, средневековых, метафизических понятий.

Скиннер подобен этому рыбаку, пользующемуся своей сетью. Ввиду того, что Скиннер использует эмпирические научные методы, то он не может «уловить» или «ухватить» такие качественные феномены, как свободу, достоинство, мораль, эстетику, мышление понятиями, разум, и он пришёл к выводу, что все эти явления не существуют. Но они в самом деле прошли через ячейки его сети. Они проходят через ячейки материалистической сети от Демокрита до Скиннера. ¹⁸

Д. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Агнос, я не мог бы понять человека, если бы не считался с трансцендентным, сверхъестественным и нематериальным миром. Я считаю, что Антропологический аргумент — самая сильная прядь нашего каната, самый яркий прожектор нашей сцены. Если человек не уникален, то, как заявил Честертон: «Одно из животных сбилось с панталыку». Я знаю, что нам нужно быть осторожными, когда пользуемся невидимыми явлениями в объяснении эмпирических реальностей, но если надо это делать для того, чтобы понять данные, то без этого не обойдётся. Августин Блаженный однажды признался в следующем: «Средство, которым дух соединён с телом, непонятно человеку, но в этом-то и сама суть человека». ¹⁹ Даже с помощью теизма человек остаётся загадкой, но если теизм неверен, то эта загадка тем более увеличится.

17. E. J. Carnell, *Science and Human Behaviour* (New York: Macmillan, 1953), стр. 447.

18. Вы можете познакомиться с измышленной утопией бихевиоризма в книге В. Ф. Скиннера, *Walden's Two* (New York: Macmillan and Co., 1948). С неизмышленным представлением этого взгляда Вы можете познакомиться в книге В. Ф. Скиннера, *Beyond Freedom and Dignity* (New York: Knopf, 1971).

19. Augustine, *City of God*, xxi. 10.

